

наше

завтра

ИЗДАТЕЛЬСТВО

магазин

ДЕНЬ

N Z A V T R A . R U

ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ

+7 (499) 490-70-48

+7 (499) 350-17-79

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

16+

РАННЕЙ ОСЕНЬЮ 1982 года меня вызвали к Джермену Михайловичу Гвишиани, заместителю председателя Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) при Совете Министров СССР. Было мне тогда 35 лет, и жизнь была потрясающе интересной. Так, по крайней мере, мне сейчас кажется при воспоминании об этом. В самом деле, доктор наук, профессор уже с пятилетним стажем, только что получил лабораторию в Институте биохимии АН СССР, переидя с химфака МГУ. Хожу упруго, прошу мало, ухожу быстро. Жизнь — калейдоскоп. Эпоха застоя, как её потом определили. Правда, уже семь лет сижу в невыезде — сразу после возвращения из США кто-то просигналил в "органы", что я антисоветчик и активно веду проамериканскую пропаганду... Про США немало рассказывал, конечно. Но "органам" не объяснишь, поскольку они меня и не спрашивали. Да и про сигнал я узнал неофициально, потихоньку, от инспектора Минвуза СССР. На это ведь не сошлешься. Ну да ладно, теперь не 1937-й, не выпускают, но хоть работать не мешают.

Массивная дверь с улицы Горького, милиция на контроле, пропуск, второй этаж, направо по коридору до упора, в крыло здания, четвёртый этаж. "Мне к Джермену Михайловичу". — "Нет, он занят, он ждёт профессора из Академии наук". — "Так это я и есть". Недоверчивый взгляд секретарши. Называю фамилию, конфликт улажен. Мне это даже нравится — не в первый раз. Мелочь, а приятно. Более того, полезно, так как после этого, как показывает опыт, секретарши проникают симпатией и надолго запоминают. Это важно для дела...

"Анатолий Алексеевич, добро пожаловать", — это Гвишиани. "Приятно познакомиться". Ритуальные фразы. "Что, знак лауреатский не носите?" Ну, думаю, с биографией моей его ознакомили. К чему всё это идёт? "Ношу,—говорю,—вот он, приколот с внутренней стороны нагрудного кармана". "А, скромничаете?" — "Нет, просто не хочу потерять".

Не было желания объяснять, что в нашей среде не принято такие вещи цеплять. Уважение потеряешь, ироническое отношение приобретёшь. А вот где-нибудь на заседаниях в Госплане или Совмине — наоборот. Поэтому и ношу с собой для тех случаев.

"Так вот, Анатолий Алексеевич, перехожу к вопросу. Что вы знаете о компьютерных конференциях?" — "Ничего", —честно отвечаю я. "Н-да, вот и мы не знаем. А тут вот пришло письмо из ООН, из отдела промышленного развития, приглашают Советский Союз принять участие в Первой Всемирной компьютерной конференции по биотехнологии. Участники — США, Канада, Англия, Швеция и СССР, если мы согласимся. Кстати, — добавил Гвишиани, — в этом письме из ООН упоминается ваша фамилия, поэтому мы вас и позвали. Они полагают, что вы могли бы быть модератором этой компьютерной конференции с советской стороны. А вы, выходит, не знаете, что это такое?" "Не знаю, — говорю. — Видимо, дело всё в том, что я являюсь консультантом ООН, и именно отдела промышленного развития — ЮНИДО, по биотехнологии. И та самая компьютерная конференция — тоже по биотехнологии. Всё просто". "Ну, раз так, — говорит Гвишиани, — то вам поручение: выясните, в чём дело, что такое компьютерные конференции и есть ли у нас соответствующие технические возможности, чтобы принять участие. Если есть — мы подумаем, нужно ли это нам. А если нет, то ответим, что нас это не интересует..."

ВЫШЕЛ Я И ДУМАЮ: ничего себе заданыице. В последний раз я имел дело с компьютером лет за десять до того, когда для моей кандидатской операторы вычислительного центра в корпусе "А" МГУ рассчитывали на БЭСМ-6 среднестатистические данные по результатам ферментативной кинетики. Чегодан перфокарт. В США, где я провёл год в середине 1970-х, наша биофизическая лаборатория в Гарварде вообще обходилась без компьютеров. Достаточно было электронных калькуляторов, которые в Союзе тогда только появились, из-за рубежа, само собой. Что делать?

Взял справочник АН СССР, стал листать всё подряд. Слова "компьютер" в названиях учреждений не было. Наткнулся на ВНИИ прикладных автоматизированных систем — ВНИИПАС, ул. Неждановой в Москве. Ну, думаю, они должны знать. Отправился к директору, предварительно позовнив, что у меня поручение Госкомитета по науке и технике. Охрана у входа — будь здоров, с детства такой не видел. С детства — поскольку жил на ракетном полигоне Капустин Яр. Кто имел к ракетам отношение, с хорошей вероятностью там бывал.

Директор Олег Леонидович Смирнов направил меня к своему заведующему отделом, прибавив, что тот всё знает. Тот всё знал. Техническое обеспечение для компьютерных конференций в Институте было. Правда, использовалось только в одну сторону. А именно, как я понял, для прочёсывания зарубежных компьютерных баз данных и переправки этих данных сюда, в Москву, опять же через компьютерную сеть...

ДЕНЬ-ЦЕНТР

приглашает

4 октября (среда) в День-центре состоится встреча с известным писателем, автором книг по истории спецслужб **Александром КОЛПАКИДИ**.
Тема встречи: Коммунизм и сионизм: точка расчёта...
Начало в 19:00.

5 октября (четверг) в День-центре состоится встреча с историком, публицистом, главным редактором портала "Русская народная линия" **Анатолием СТЕПАНОВЫМ**.
Тема встречи: Почему так легко распадалась русские империи?
"Россия снималась в три дня" — горько заметил философ Василий Розанов в февральские дни 1917 года. В три дня 28 февраля — 1 марта была решена судьба вековой Российской империи. Три дня просуществовал ГКЧП в августе 1991 года, и фактически прекратила существование советская империя. Почему так легко распадалась русские империи? Где были государственники, люди порядка в эти трагические дни?
Начало в 16:00.

6 октября (пятница) в День-центре состоится встреча с ведущим российским военным аналитиком и экспертом **Константином СИВКОВЫМ**.
Цикл встреч: Актуальные события
Военный аналитик ответит на вопросы наших зрителей.
Начало в 16:00.

6 октября (пятница) в День-центре мы продолжим цикл встреч с ведущим военным экспертом **Александром АРТАМОНОВЫМ**.
Тема встречи: Политическая обстановка в мире
Эксперт представит свой взгляд на современную политическую ситуацию, будущее России и мирового сообщества.
Начало в 19:00.

7 октября (суббота) в День-центре состоится встреча с российским историком, вирусологом, публицистом и энциклопедически образованным человеком **Фёдором ЛИСИЦЫНЫМ**.
Тема встречи: Почему на товарища Сталина Самый влиятельный политик середины второго десятилетия XXI века — Иосиф Сталин. Парадокс? Факт. Об этом человеке спорили при жизни, спорят и через 70 лет после смерти. У него есть и убеждённые сторонники, и ярые противники.
Начало в 12:00.

Адрес: г. Москва, ул. Коровий Вал, 1А, стр. 1, ТЦ "Добрынинский", 3-й этаж (одна минута пешком от станции метро "Добрынинская").
Регистрация на встречи — на сайте ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ или по телефону: 8-499-350-17-79. Зарегистрироваться также можно перед началом встречи непосредственно в зале День-центра.
Наличие распечатанного билета необязательно для посещения мероприятия.
Уважаемые участники! На мероприятиях можно приобрести книги авторов.
Если вы хотели бы гарантированно приобрести книги из нашего ассортимента, просим вас заранее оформить заказ на сайте день-магазин.рф. Мы с радостью доставим вам заказ на встречу.
Внимание! Видеосъёмка на мероприятиях запрещена.

МИРОВАЯ ПАУТИНА

Фрагмент из книги

Короче говоря, ни о каких двусторонних компьютерных контактах у нас не может быть и речи. Во-первых, это будет несанкционированный выход за рубеж со всеми вытекающими последствиями. А санкцию на это никто не даст, по крайней мере, никому не давали. Во-вторых, если делать по-человечески, то паспорт надо иметь. Надо выходить через зарубежный майнфрейм-компьютер, стать его пользователем и за это платить валютой. А в-третьих, тут по телефону за рубеж позвонить — и то чревато, а вы говорите, международная компьютерная связь. Смеётесь? Забыли, где живёте?

Мне этот заветоделом сразу понравился. Ну ладно, говорю, есть у меня для вас сразу несколько новостей. Есть у меня паспорт, есть логин-адрес и есть поручение ГКНТ это дело опробовать.

А мне как раз перед этим пришла из ЮНИДО копия того письма из ООН в ГКНТ, о котором Гвишиани говорил, плюс письмо оттуда же для меня с пояснениями по порядку компьютерной связи — логин-адрес базового компьютера в Стокгольмском университете (там же любезно объяснено, что это был главный компьютер Министерства обороны Швеции, который военные недавно презентовали университету) и мой паспорт. А также временной план постепенного входа СССР в компьютерные конференции, если, конечно, страна скажет "надо". И в итоге в декабре 1983-го, то есть через год, — сама Первая Всемирная компьютерная конференция.

Заветоделом, мягко говоря, обалдел. Ну что, предлагаю, попробуем? Вот ведь и компьютер рядом. Сел он в кресло, набрал на клавиатуре адрес Стокгольмского майнфрейма и уступил мне место, чтобы я паспорт ввёл. Даже дипломатно отвернулся. Выступал я паспортод и — вуаля: Стокгольмский университет вас приветствует! Вот где сердце-то застучало. Ощущение, что сижу в кресле космонавта. Следом — длинный список компьютерных конференций, в которых можно принять участие. Сразу бросились в глаза несколько: "Планирование и подготовка всемирной компьютерной конференции по биотехнологии", "Английский язык", "Опыт работы в компьютерных конференциях", "Биоконверсия природных ресурсов"...

Всё. Слишком много впечатлений. Заветоделом тоже, как сказали бы в США, "прыгает вверх и вниз". Профессионал же, ему стократ интересней — профессионально...

Написал я бумагу на имя Гвишиани, мол, есть у нас технические возможности, мол, сейчас можно начинать. Добавил неперемные фразы о важности всего этого для развития советской науки и технологий. И предложил дать разрешение на проведение Всемирной компьютерной конференции под председательством директора Института биохимии АН СССР члена-корреспондента АН СССР И. В. Березина (моего научного руководителя со студенческих времён, о чём я, естественно, в бумаге не указал) и при участии меня самого как модератора. И получил временный пропуск во ВНИИПАС для того, чтобы набраться опыта и разобраться, что к чему, если поступит официальное разрешение на проведение этой самой всемирной телеконференции...

И СТАЛ Я ХОДИТЬ во ВНИИПАС как на работу. Благо основная работа в моей лаборатории была достаточно налажена. Проводил я у компьютера, который мне был там выделен, по несколько часов в день два-три дня в неделю. И продолжалось это семь лет. Трудно осознать, что в те времена... Я волею судьбы оказался единственным в СССР и вообще из примерно двух миллиардов человек социалистического лагеря, работающим в том, что теперь называется Интернет.

Разрешение на проведение всемирной телеконференции было получено где-то через полгода, летом 1983-го, в форме совместного распоряжения ГКНТ при Совете Министров СССР и президиума АН СССР... Председателем компьютерной конференции с советской стороны был назначен И. В. Березин, модератором — ваш покорный слуга. К слову сказать, И. В. Березин был настоящим учёным и понимающим человеком. Он ни разу не поинтересовался, что такое компьютерные конференции, и подписывал все мои последующие бумаги на этот счёт не глядя. Естественно, я не делал ничего такого, чтобы его подвести. Правила игры соблюдались...

Выше я упомянул, что работал в компьютерных конференциях по несколько часов в день. Надо понимать, что эти часы уходили в основном на ожидание по развёртке текста. Модемы у нас тогда были со скоростью 360 бод. Чтобы "развернулась" страница текста, приходилось ждать

несколько минут, читая текст по буквам в процессе его появления на экране и хлопая себя по бокам от нетерпения. Через каждые полстрочки компьютер зависал от нескольких секунд и минут до полного выброса в офлайн. Справедливости ради надо сказать, что так было в 1982–1983 годах, потом же качество связи начало заметно улучшаться. Скорость оставалась той же, но зависаний стало меньше.

Появление у нас нового модема в 720 бод было почти революционным событием и произошло много позже, когда я уже работал со своего собственного компьютера из квартиры в Олимпийской деревне в Москве... А уж о современных телефонных модемах в 60 тысяч бод и выше, не говоря о суперскоростных кабельных, никто не мог и помыслить...

НАСТУПИЛА ЗИМА 1983-го, время проведения основной компьютерной конференции. К ней я подготовился основательно и сформировал добротный список участников. В него вошли все мои приятели, по одному почти из каждой союзной республики. Не стоит думать, что это было кумовством. Это были действительно ведущие специалисты по биотехнологии: профессор (ныне академик, президент Национальной академии наук) Квеситадзе из Грузии, профессор (ныне академик) Рахимов из Узбекистана, профессор (ныне академик) Виестурс из Латвии, профессор (ныне академик) Лобанок из Белоруссии и так далее. Подсознательно я ощущал, что нельзя делить этаким интеллектуальным роскошеством ни одну республику. Сама конференция прошла в течение рождественской недели 1983-го. Мы собирались у терминала во ВНИИПАС, бурно обсуждали "вкрут" и по телефону с коллегами из других городов материалы, поставленные вопросы и резюме отправляли в Сеть...

Итак, конференция закончилась, участники разъехались, я остался. Приказа очистить помещение не было, хотя я его с содроганием ожидал. Решил продолжать ходить во ВНИИПАС как на работу. Благо директор ВНИИПАС О. Л. Смирнов пропуск продлил и вопросов не задавал. Более того, дал понять, что им как профессионалам продолжение моей работы интересно. Я так и не понял, с какой стороны интересно. Режимы связи обрабатывать? Но поскольку мои принципы "прости мало, уходи быстро" оставались неизменными, я быстро и уходил. Из кабинета директора, но не из ВНИИПАС. У терминала был кайф.

Каждый раз, садясь за компьютерный терминал и выходя в международные компьютерные сети, я испытывал чувство непередаваемой эйфории. XXI век! Я "разговариваю" со всем миром через экран компьютера! Я редактирую научные книги совместно с американскими коллегами, и на это уходит всего несколько дней — вместо месяцев, а то и лет, как обычно, поскольку не надо ещё и "литовать" (получать разрешение Главлита СССР — для тех, кто имеет счастье не знать, что это такое!) Я моментально перебарываю свои научные статьи для публикации в зарубежных журналах, и опять же без Главлита!

Вместе с тем было сильно досадно, что миллионы других не только не испытывают этого чувства, но и не имеют понятия, что такое вообще возможно. Я продолжал оставаться один в лагере. Социалистическом. В той самой недельной всемирной телеконференции участвовали также биотехнологи из ГДР, но они вели дискуссию через шведского модератора, звоня ему по телефону. Таким же образом были "подключены" специалисты из Филиппин, Таиланда и нескольких других стран.

Кстати, организаторы Первой Всемирной телеконференции обратились также к Японии с предложением принять участие в компьютерных дискуссиях. Японцы ответили, что, к сожалению, это невозможно, так как прямая компьютерная связь с зарубежьем вошла бы в противоречие с действующим японским законодательством. Получив от организаторов копию этой переписки, я преисполнился гордостью, что мы, Советский Союз, оказались более передовыми, чем Япония, по части открытости общества. Понятно, что "общества" здесь — это некоторый перебор, но всё-таки утёрли мы японцам нос, как ни крути.

Уже через полгода-год, в 1984-м, у меня появилось огромное количество пен-палов — компьютерных собеседников со всего мира. Бизнесмены предлагали контракты с Союзом. Шведские девушки наперебой приглашали приехать в сауну. Американский астронавт Растии Швейкар неутомимо слал мне письма, предлагая устроить компьютерный мост с Академией наук Союза. Меня принимали за гейт-кипера. А ворот-то и не было, они на мне заканчивались. Ну как это объяснить? Как

объяснить, что я сам здесь на таких птичьих правах, что если кто "из инстанций" узнает, что я бесконтрольно и регулярно имею постоянный контакт с заграницей, то... Об этом и думать не хотелось.

У МЕНЯ ПОЯВИЛАСЬ навязчивая идея — как-то легализовать мой статус как постоянного участника компьютерных конференций. Но ясно как божий день, что никаких оснований для этого у меня больше нет. Не придуж же я в ГКНТ с повинной: "Знаете, дорогие товарищи, я тут несанкционированно на пару лет задержался в международных компьютерных коммуникациях, хотелось бы продолжить...". По телефону без прослушки за рубеж не позвонить, а тут передавать что хочешь... Только что газеты сообщили, что с поличным у метро "Ленинский проспект" взяли американского журналиста Данилоффа, которому кто-то пытался передать какие-то материалы для вывоза за рубеж. Поди докажи, что ты таких материалов за два года не напередавал тоннами. Нет, легализоваться надо...

Один путь — поднять общественный интерес к компьютерным конференциям, и когда многие станут пользователями, скромно так сбоку выйти — и я такой же, как и все. Смешно, конечно, какое "многие"? Поставят компьютеры в первых отделах, допуск оформят, литовать заставят всё, что передаёшь (это месяца три-четыре на каждый материал)...

И тут я придумал. Есть такой новый журнал — "Наука в СССР". Классная полиграфия. Пропагандирует достижения советской науки, издаётся на нескольких языках — английском, французском, немецком, испанском. Его главный редактор Г. К. Скрябин, академик-секретарь всей Академии наук, знает меня и вроде бы хорошо относится. Его зам Игорь Зудов, бывший зам научным отделом ЦК ВЛКСМ, тоже меня хорошо знает, ещё по премии Ленинского комсомола... Короче, их надо заинтересовать этими компьютерными конференциями, они преподнесут это в своём журнале как очередную яркую победу со-

прошлого, но и соперничает несколько исследовательских команд, в том числе шарлатанских и "подставных". Во всяком случае, уже далеко не редкость реклама, где за небольшую плату обещают установить, на сколько процентов вы, скажем, негр, а на сколько процентов — эскимос. Потенциальные клиенты сами оплачивают отбор у себя реального генетического материала, и соответствующие данные потом идут неизвестно куда...

Но всё это — лишь половина дела, вторая. А в первой половине книги автор, как и положено в мемуарах, рассказывает о различных событиях и ситуациях, к которым он так или иначе оказывался причастен в своей жизни. Плюс немного попыток в жанре портрета (Илья Глазунов, Михаил Задорнов) и чистой художественной литературы. Если вам интересно узнать о влиянии времени дня на кинетику химической реакции или о риске занятий научной работой по ночам, или о биохимии излишнего веса, или о принципиальной разнице между инженером и учёным, а также получить рецепты для юношей и девушек, желающих защитить докторскую диссертацию, или рецепты излечения советских стажёров от культурного шока в США 1974 года, плюс многое другое — книга Анатолия Клёсова может оказаться далеко не бесполезной.

А рассказ автора о том, как в СССР в 1983 году появился мировой интернет, представляет интерес помимо своей уникальной фактической основы ещё и сопутствующим материалом: кратким, но, как представляется, вполне достаточным для понимания того, почему наша страна потерпела поражение в "разрядке международной напряжённости" и "миром сосуществовании двух общественно-политических систем", проще — в холодной войне... Впрочем, как выражает вполне обоснованные надежды автор, позиционирующий себя в качестве "научного патриота" нашей страны, поражение далеко не окончательное и не безнадёжное. Звёзды движутся дальше...

ветской науки, а победителей не судят. В уголовном порядке, по крайней мере.

Так и вышло. Пришёл я к Г. К. Скрябину, рассказал. Он вызвал Зудова, и они порешили, что это будет материал, свидетельствующий об очередной яркой победе советской науки. А что, без нас-то американцы со шведами ведь не справились... И потом: тот факт, что СССР на равных участвует в международных компьютерных конференциях, тоже о многом говорит.

Написал я статью... Прислали фотографа, а компьютер сфотографировали у нас на кафедре МГУ. И отредактировали мой текст, вставив, что это в МГУ якобы идёт подготовка к очередному сеансу компьютерной конференции. Но тут уж я не стал бороться, нехай буде. Направили статью на утверждение в ГКНТ. Ну, думаю, была не была.

Звонит Зудов, опечален. Зарубили, говорит, твою статью... Попросил я у него телефон тех, кто зарубил, звоню в ГКНТ сам... "А вы кто такой?" — интересуются. "Автор", — говорю. "Нет", — отвечают, — мы с авторами не разговариваем...". "Постойте, — говорю и начинаю того самого ваньку валять: — Я не только автор, но и участник этих самых компьютерных конференций, что в статье описаны. А вы статью запрещаете. Может, я что не так делаю? Может, совет какой дадите? Вы же там люди знающие..."

Смгачился цензор. "С компьютерными, — говорит, — дело ваше. Это не наш вопрос. А вот массам это знать не надо". "Что ж так?" — спрашиваю. "А так. Что, если все захотят? Что тогда будет?" — "Ну, — отвечаю, — с этим просто. Вы же про космос там публикуете, не опасаясь, что все захотят. И то, для космоса надо медкомиссию пройти, так что всех не пропустят. И ещё, публикуете же вы там про остров Пасхи, к примеру? И опять, не могут все туда захотеть, потому как билет туда надо купить, за валюту. То есть имеют место объективные факторы, что массы захотят, но не смогут. Так же и с компьютерными конференциями. Захотеть — мало. Надо компьютер для начала купить, а с ними у нас сами знаете как. И потом, за вход в Сеть надо той же валютой платить, которой опять же нет. Так что это только для отдельных людей, а кому там можно или нет, решение приниматься будет кем — сами знаете. А для Советского Союза эта публикация будет полезной. Сами знаете, как мы в мире по компьютерам отстаём. Вам-то это я сказать могу..."

Помолчал цензор и говорит: "В логике вашей есть резон. Мы тут ещё подумаем". Думали они около года, но в итоге запрет сняли, и статья вышла в 1985-м. Естественно, в несколько адаптированном виде...

"Введённое мной понятие "научный патриотизм"...ёрнически искажают как "патриотическая наука", которой быть, конечно, не может. ...Научный патриотизм — это не шаблонные, заезженные и часто неискренние высказывания, а изучение честной истории своего народа, в чём ДНК-генеалогия играет чрезвычайно важную роль..."

И ИНТЕРНЕТ

заметки научного сотрудника

ТОМ II

АНАТОЛИЙ КЛЁСОВ

А